

Фазиль Искандер

Думающий о России и американец

*Часть сборника
Золото Вильгельма (сборник)*

Фазиль Абдулович Искандер Думающий о России и американец

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617535

Искандер Ф.А. Золото Вильгельма. Повести и рассказы: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-41972-2

Аннотация

«... В вестибюле снуют разные люди. Некоторые из них выпивают в баре, переговариваются со своими спутниками и далекими деловыми партнерами при помощи карманных телефонов. Внятно мы слышим только разговор американца и Думающего о России.

– Что делают в России?

– Думают о России.

– Я спрашиваю, что делают в России?

– Я отвечаю: «Думают о России».

– Вы меня не поняли. Я спрашиваю, что делают в России!

Какими делами занимаются? Дело, дело какое-нибудь есть?

– В России думают о России. Это главное дело России. ...»

Содержание

Фазиль Искандер	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фазиль Искандер

Думающий о России и американец

Вестибюль солидной московской гостиницы. На переднем плане в креслах сидят и разговаривают Думающий о России и американец. На заднем плане спиной к нам сидит неизвестный человек и рассказывает что-то жене американца. Видно, рассказ его производит сильное впечатление на него самого и на американку. Иногда у рассказчика плечи трясутся, американка подносит к глазам платок, а порой подходит к бару в углу вестибюля и подает рассказчику успокаивающие его бокалы крепких напитков. К концу сцены рассказчик передает американке какую-то картину, получает за нее деньги и покидает гостиницу. В вестибюле снуют разные люди. Некоторые из них выпивают в баре, переговариваются со своими спутниками и далекими деловыми партнерами при помощи карманных телефонов. Внятно мы слышим только разговор американца и Думающего о России.

– Что делают в России?

– Думают о России.

– Я спрашиваю, что делают в России?

– Я отвечаю: «Думают о России».

– Вы меня не поняли. Я спрашиваю, что делают в России!

Какими делами занимаются? Дело, дело какое-нибудь есть?

– В России думают о России. Это главное дело России.

– Ну, хорошо! Если думать о России – главное дело россиян, то какое-нибудь второстепенное дело у них есть? Какие-нибудь люди в России есть, кроме тех, которые думают о России?

– Ах, вы про остальных? Так бы и сказали. В России многие думают о России, а остальные воруют.

– Все остальные?

– Да, все остальные.

– Не может этого быть! Чтобы все, кроме Думающих о России, воровали!

– Как не может быть? Так оно и есть. У нас все это знают.

– И никто с этим не борется?

– Нет.

– Почему?

– Некому бороться.

– Как некому? Это же безумие!

– Те, кто в России думает о России, тем некогда бороться.

А те, кто ворует, не могут же бороться с самими собою. Да это не значит, что в России слишком уж много воруют. Дело в том, что в России очень многие думают о России.

– Так кого же больше в России: тех, кто думает о России, или тех, кто обворовывает Россию?

– Это невозможно подсчитать.

– Почему?

– Потому что те, кто думает о России, больше ничем дру-

гим заниматься не могут. А те, кто ворует, заняты воровством, им некогда подсчитывать тех, кто ворует.

– Но те, кто ворует, могут заняться этим в свободное от воровства время.

– У них такого времени нет.

– Почему?

– Потому что те, кто ворует, в перерывах между воровством тоже думают о России. Выходит, и у них времени нет.

– Значит, те, кто ворует, в свободное от воровства время присоединяются к тем, кто думает о России?

– Конечно!

– Но для чего?!

– Во-первых, когда воры присоединяются к тем, кто думает о России, их нельзя отличить от тех, кто думает о России. А это им выгодно. А во-вторых, им любопытно думать о России. Думать о России для них – кайф. Чем больше они думают о России, тем сильнее убеждаются в необходимости воровать. Это подымает дух!

– В таком случае те, кто думает о России, во время отдыха от думанья о России могли бы подсчитать: сколько людей думает о России, а сколько людей обворовывает Россию. Нужен же какой-то баланс. Иначе страна погибнет.

– Им тоже некогда. Те, кто думает о России, когда отдыхают от российских дум, тоже подворовывают.

– Как, и они воруют?!

– Нет, когда думают о России, не воруют! Боже упаси! Но

в свободное время подворовывают. Жить же надо! К тому же, подворовывая, они сливаются с теми, кто ворует, и становятся незаметными. В России думать о России всегда было гораздо более опасно, чем воровать. Такая традиция. Вот они и маскируются так. Но главным образом, они думают о России.

– Выходит, в России все думают о России?

– Я же с этого начинал.

– Но так же выходит, что в России все воруют. В том числе и те, кто думает о России?

– А что им делать? Государство же не содержит тех, кто думает о России, а им жить надо. У них жены и дети, которые с детства начинают думать о России или воровать. В последнем случае отцы еще глубже задумываются о судьбе России.

– А если бы государство содержало тех, кто думает о России, они бы, наверное, перестали подворовывать?

– Ничего бы из этого не вышло. Те, кто ворует, быстро смекнули бы, что думать о России выгодней, чем воровать, и переквалифицировались бы в Думающих о России.

– Так за этим должна была бы следить какая-то комиссия, чтобы все было честно!

– Не получается. Места раздают те, кто ворует. И они объявят своих, тех, кто ворует, Думающими о России и возьмут их на государственное довольствие.

– Хорошо. Разберемся в деталях. Я так понял, что в России те, кто внизу, подворовывают. А те, кто вверху, надво-

ровывают, что ли?

– Полная чепуха. Сразу видно, что вы иностранец и не чувствуете самых трепетных тонкостей нашего языка и нашей психологии. Подворовывать – это человечно, скромно, даже уважительно по отношению к тому, у кого подворовывают. А по-вашему, вероятно, подворовывать – значит грубо выдергивать то, что лежит снизу.

– А что это значит?

– Подворовывают – это значит воруют с оглядкой на совесть. Воруют и плачут, воруют и плачут.

– Одновременно?!

– Именно одновременно!

– А те, что вверху, значит, не надворовывают? Тогда что они делают?

– Нет, конечно! «Надворовывают» – звучит высокомерно. «Надворовывают» – значит, презирают тех, кто подворовывает. Этого мы им не позволим. Мы люди гордые и обидчивые. «Надворовывать» – у нас даже в языке нет такого слова. Гордый язык! Наверху у нас воруют!

– Какая же разница между теми, кто ворует наверху, и теми, кто внизу?

– Огромная. Наверху сурово воруют. А внизу мягко подворовывают. Воруют и плачут.

– Одновременно?!

– Одновременно. Более того, у нас народ такой совестливый, что иногда даже начинает плакать перед тем, как начать

воровать. Еще не ворует, а уже плачет. Порой это заметно и на улице. И сразу видно, бедняга подворовывать идет. Ему жалко человека, у которого он идет подворовывать. Бывает, порой встретит на улице знакомого, поплачутся друг у друга на груди и расходятся в разные места подворовывать.

Только в России человек жалеет человека, у которого ворует. Он братские чувства к нему испытывает. Он ведь хорошо знает, что украденное у близкого было в свое время близким украдено у другого. И он сразу жалеет всех троих. Как же тут не расплакаться!

Сколько у России жалельщиков! Соборный мы народ! А так как в конечном счете все подворовывают у России, включая и тех, кто ворует сверху, все жалеют Россию. Ни один народ в мире так не жалеет свою страну, как мы!

У нас даже милиционер, видя плачущего человека и понимая, что тот идет подворовывать, жалеет и его, и того, у которого он собирается подворовывать. И от жалости сам начинает плакать! Так что иногда не поймешь, милиционер плачет по своим воровским надобностям или жалея того, кто идет подворовывать.

– По-моему, вы мне голову морочите! Что-то я не видел плачущих милиционеров и рыдающих воров, хотя уже месяц в Москве! В проходах метро видел просящих деньги, иногда всхлипывающих, впрочем, фальшиво. А того, что вы говорите, я не видел.

– И не увидите никогда, потому что вы иностранец. По-

тому что, как сказал наш великий классик, мы в основном плачем невидимыми миру слезами.

– Ладно. Это не главное. Но из ваших слов получается, что в России воруют и те, кто ворует, и те, кто думает о России. Я не вижу между ними разницы. А вы видите?

– Да, иностранец нас никогда не поймет! Огромная, принципиальная разница! И мы на этом настаиваем! Те, кто думает о России, подворовывают в свободное от российских дум время. А у них этого времени так мало! А те, кто ворует, думают о России в свободное от воровства время. И у них этого времени тоже мало. Получается колоссальная разница! Главное, как человек проводит свое рабочее время, а не свободное.

– Удивительное дело! У нас на Западе мы привыкли уставать от работы и отдыхать за разговорами. А здесь в России я постоянно устаю от разговоров! Скажу честно: я и от вас устал.

– Естественно. Вы не привыкли. У вас – быт. У нас – метафизика. Вы научились делать не думая. А мы научились думать не делая.

– Ну, хорошо. Какая самая характерная черта Думающих о России?

– Самая характерная черта Думающих о России – это принципиальное нежелание заниматься практическими делами при поощрительной дозволенности давать практические советы правительству. Правительство все равно нас не

слушает, но мы все равно даем ему советы.

Сужу по себе. Когда жена подходит ко мне с молотком и гвоздем и говорит: «Вбей этот гвоздь в стену!» – я прихожу в тихую ярость. Я готов вбить этот гвоздь ей в голову. В Россию вбито столько гвоздей! Мы, Думающие о России, можно сказать, зубами выдираем эти ржавые гвозди, а она мне предлагает вбить еще один гвоздь!

Недавно мы с женой были на даче. Дача эта к нам перешла по наследству от ее родителей. Вышли погулять. Ну, я, естественно, и гуляя, думаю о России. Довольно увесистая сосулька свисала с крыши, где проходила наша тропка. Ну висит. Пусть себе висит, греется на солнце. Кому она мешает. Так жена мне говорит: «Надо попросить у соседей стремянку. Влезь на нее и сбей эту сосульку, иначе она рухнет на нашу голову». – «Это абсолютно невозможно», – говорю я ей. «Почему невозможно? – упрямо настаивает жена. – Ты сбивай себе сосульку и думай о России».

Сбивай сосульку и думай о России! Какой цинизм! «Сосулька никак не может рухнуть на нашу голову, – отвечаю я ей, – слушай мои доказательства, хотя ты отвлекаешь мою мысль от размышлений о России. В сутках двадцать четыре часа. Один час содержит в себе шестьдесят минут. Минута – шестьдесят секунд. Перемножь, и получится астрономическая цифра секунд. Даже если мы три раза в день пройдем под этой сосулькой, на это уйдет шесть-семь секунд, если не стоять под сосулькой разинув рот. Практически нулевая воз-

возможность попадания сосульки в голову. Но даже и в этом случае она попадет в голову одного из нас. Значит, и без того почти нулевой шанс уменьшается вдвое. К тому же по принятому у Думающих о России обычаю, проходя под сосулькой, женщину надо пропускать вперед, чтобы удар принять на себя».

Мои мощные аргументы на жену так подействовали, что она промолчала. На обратном пути, надо же, сосулька грохнулась с крыши и упала в пяти шагах от нас. Я еще не успел пропустить ее вперед. «Вот видишь!» – злорадно говорит жена.

«Что видишь, – отвечаю я ей, – сосулька не могла упасть на нашу голову и не упала».

«Но ведь ты останавливался прикурить от зажигалки, – ехидно вспоминает она. – Если б не эти секунды, сосулька рухнула бы на нашу голову!» – «Как видишь, – говорю, – твоя попытка заставить меня бросить курить стоила бы тебе головы. Как Думающий о России я это предвидел».

Чтобы вы лучше поняли русский национальный характер, я вам расскажу одну веселую историю. Мне о ней поведала профессор-глазник.

Много лет назад она работала со знаменитым офтальмологом профессором Авербахом. Однажды к нему приводят слепого, чтобы он ему выдал справку для получения пенсии по причине полной слепоты. Профессор Авербах исключительно долго исследовал его зрение при помощи всяче-

ских лампочек. И его коллега удивилась такому особенному вниманию к этому пациенту. Когда они на несколько минут оказались в соседнем помещении, она спросила профессора Авербаха: «Что вы так долго занимаетесь его глазами?» – «Да понимаете, – вздохнул профессор, – у меня такое ощущение, что он видит, но доказать никак не могу».

«Ну, если доказать не можете, – отвечает она ему, – пишите справку о его слепоте».

И профессор Авербах, хоть и с некоторыми сомнениями, написал ему такую справку. Слепому сунули в ладонь справку, и его увели близкие. И тут гениальное совпадение! Через три дня профессор Авербах идет в свой институт и вдруг видит, что навстречу ему шагает его пациент без палочки и без всякого сопровождения. В пяти шагах от него профессор Авербах остановился и стоит как вкопанный. А слепой смотрит на него с дружеской улыбкой и говорит: «Здравствуй, профессор!» – «Но ведь вы меня не должны были увидеть?» – взревел профессор. «А кто вам сказал, что я вас вижу, – не растерялся пациент, – я вас слышу. Я ведь не глухой, а слепой». – «Но ведь вы первый поздоровались со мной!» – крикнул профессор. «Но ведь вы остановились при виде меня, – продолжал слепой как ни в чем не бывало, – а у нас, у слепых, очень развит слух. Я почуял, что кто-то впереди меня остановился. И я подумал: кто же будет останавливаться перед несчастным слепым, кроме доброго профессора Авербаха, выдавшего ему справку о его слепоте». – «Да я сам сле-

пой!» – махнул рукой профессор Авербах, и они прошли мимо друг друга.

Давайте проанализируем эту историю.

– Давайте.

– Как вы думаете, мнимый слепой, здороваясь с профессором Авербахом, издевался над ним?

– Ну, если не издевался, так насмешничал. Иначе он молча прошел бы мимо.

– Ничего подобного! Вы не понимаете специфики русской души. Она способна на величайшую хитрость, но хитрость всегда одноразовая.

Русскому человеку скучно все время хитрить. Сколько тонкости проявил этот народный умелец, чтобы обмануть профессора со всеми его приборами. И профессор, хоть и не без некоторого смущения, выдал ему нужную справку.

И вдруг он его встречает на улице. С одной стороны, он видит профессора и испытывает к нему благодарность. С другой стороны, он теряет бдительность и забывает, что он профессора не может видеть и здороваться с ним. Но он здоровается с профессором. Благодарность победила бдительность.

Когда же профессор, некоторым образом возмущенный, попытался его разоблачить, снова включилась хитрость, и он фактически победил профессора.

Кстати, это случилось возле института, где работал профессор. Вероятно, его находчивый пациент жил где-то по-

близости. Вероятно, он, имея возможность наблюдать над подслеповатыми людьми, бредущими в институт, и над слепыми, которых туда вели, пришел к своему парадоксальному решению.

Но вернемся к нашей теме. Как вы считаете, этот мнимый слепой, получая пенсию по слепоте от истинно слепого государства, ворует у него или подворовывает?

– Ворует, определенно ворует!

– Опять ошибка! Именно подворовывает. Это государство воровало у него всю жизнь. И он, чтобы кое-как компенсировать это воровство, вынужден был притвориться слепым.

– Я удивляюсь, сколько умных людей в России! Почему же они никак не могут попасть в правительство?

– Надо, чтобы в России были люди, Думающие о России.

– А разве в правительстве нельзя думать о России?

– У них времени нет. Тем более они знают: зачем думать о России, когда вся Россия и так думает о России. Но говоря всерьез, вот что происходит. Ум – это тяжелый груз у двигающегося к вершинам власти. Кто решительнее сбрасывает этот груз, тот быстрее поднимается, глупея на ходу.

– Это все хорошо. Но как у вас дела с бизнесом? Я никак не пойму.

– У меня лично?

– Хотя бы у вас.

– Этого я вам сейчас сказать не могу.

– Почему?

– Потому что таковы условия игры. Я о своем бизнесе расскажу вам в конце нашей беседы. Я вам лучше расскажу о бизнесе моего племянника. Все прямо из жизни. Мой племянник работает на одной московской фирме. Недавно приходит ко мне. Садимся ужинать. «Как дела фирмы?» – спрашиваю. «Еще кое-как держимся на плаву». – «В чем дело?» – говорю. «Денег нет ни у кого. Купили зерно и заказали комбикорма, расплатившись с заводом частью зерна. Продали комбикорма большой свиноферме. Свиньи в отличие от людей не могут терпеть голод. Но у свинофермы денег не было, и они с нами расплатились сахаром, которым государство, в свою очередь, им заплатило за свинину. Но на сахар цена упала. Продавать его невыгодно. Что делать? Купили шпалы у начальника лагеря, где заключенные занимались лесоповалом. Расплатились сахаром. Сахар поддерживает силы заключенных. Продали шпалы железнодорожной организации, но у нее тоже денег не было, и она с нами расплатилась правом на бесплатный провоз товаров по стране. Купили рис у одной иностранной фирмы и расплатились с ней этим правом на бесплатный провоз ее собственного риса. Продали свой рис населению и немного заработали». Конечно, казалось бы, первобытно-общинный обмен продуктами. Но скажите честно, способны ли ваши бизнесмены на такой головокружительный крутеж?

– Уверен, что не способны! Что вы за народ! Чем больше о вас думаешь, тем вы загадочней. Можно сойти с ума! И это

страна, первой взлетевшая в космос!

– Я хорошо помню день, полный ликования, когда Гагарин взлетел в космос и дал кругая над земным шаром! Именно в этот день, возможно именно по этому поводу, один пьяный гражданин валялся на тротуаре. Он спал и во сне помочился. Сдается мне по обилию мочи, что он сперва долго пил пиво, а потом, резко перейдя на водку, спикировал. Прихотливые трещины старого тротуара привели к тому, что струя мочи описала круг под телом пьяницы.

Я тогда же почувствовал, что круг Гагарина над земным шаром и круг под пьяницей имеют какой-то символический смысл. Но какой? Вероятно, такой: не космосом надо было заниматься, а вот этим пьяницей, спящим в петле своей мочи.

Однако ваш покорный слуга его не поднял, и никто его не поднял. И если вдуматься, может быть, по этой причине случилось все, что с нами случилось. Но по этой же причине Гагарин первым прорвался в космос!

– Да я вижу, вы философ.

– Все Думающие о России – философы. Но вот вам эпизод из жизни одного нашего истинного философа. Он объясняет некоторую нашу космичность.

Когда-то наш философ был женат. Но жена его спуталась с одним из его учеников. Узнав об этом, философ воскликнул в сердцах: «Тьфу, сволочь! Какого собеседника ты меня лишила!»

Жена его, потрясенная столь высокой оценкой философом своего ученика, ушла к этому ученику совсем. С тех пор наш философ жил один, тайно ликуя: хороший собеседник исчез, но при этом освободил его от очень плохой собеседницы. Разница в пользу философа.

Итак, он жил один. Но однажды заболел. И одна одинокая женщина, его знакомая, позвонила ему. Узнав, что он болен, она предложила приехать, приготовить еду, сходить за лекарствами, постирать. Философ подумал, подумал и отказался. «Почему?» – удивилась женщина. «Видишь ли, – отвечал философ, – если ты приедешь и будешь ухаживать за мной, это значит, когда ты заболеешь, я тоже должен приехать и ухаживать за тобой. А это отвлекает мою мысль. Болезнь мне не страшна. Страдание только обостряет мою мысль». – «А сострадание?» – спросила одинокая женщина. «Сострадание человечеству тоже обостряет мою мысль, – признался философ и честно добавил: – А сострадать отдельному человеку я еще не пробовал».

Мы слишком космичны. Отсюда наши беды. Обрабатывать свой виноградник – не наша философия. А вот вырастить виноградник в тундре – это нам интересно.

В это время к ним вкрадчивой походкой приближается какой-то человек. Наклоняется.

– Ребята, девочек хотите? Как раз две. Из балетной школы. Конфетки!

– А где они?

- У меня в машине.
- Они блондинки или брюнетки?
- Одна блондинка. А другая брюнетка. Сразу выбирайте!
- А сколько это будет стоить?
- По двести долларов с головы.
- Дороговатые у вас девочки.
- Зато двадцатилетки.
- Для балетной школы перестарки.
- Они давно окончили балетную школу. А что дорого...

Опять же швейцару заплати, администратору заплати, девочкам заплати, и я хочу немного заработать. Номер для вас бесплатно.

– Но как же мы, солидные люди, в одном номере будем с двумя девочками? Он будет кувыркаться с ней в постели, а я что, следить буду за ним?

– Зачем следить? Сами кувыркайтесь. Номер двухспальный.

– Я так не могу. Это что же: на старт! внимание! марш! Кто быстрее!

– А второй номер на два часа стоит еще пятьдесят долларов. Если можете, приплатите.

– Зачем мне на два часа? Что я, черепаха, что ли? Часа вполне достаточно!

– Но они меньше, чем за пятьдесят долларов, не сдают номер. А вы можете там находиться хоть десять минут.

– Нет, такое не пойдет. Так как же нам быть в одном но-

мере?

– Раз уж вы такой чистюля, идите со своей девушкой в ванную комнату, пока он со своей девушкой накувыркается. А потом они пойдут в ванную, а вы кувыркайтесь.

– А что же нам делать, пока он будет кувыркаться?

– Ждать. Или, знаете, некоторые любят под душем. Дело вкуса.

– Ну нет, я еще не дельфин!

– Ну тогда ждите, пока они накувыркаются.

– Что же, она потом голая мимо меня пройдет в ванную?

Неприлично.

– Впервые вижу такого капризного клиента! При этом учитите, девочек можно и не угощать. На ваше усмотрение.

– Как так не угощать? Они ведь могут обидеться.

– Нет, они не обидчивые, веселые девушки. Только после постели обязательно душ. И они уходят. Чистоплотные девушки.

– Правда чистоплотные?

– Очень. Можете не угощать, но душ после постели обязательно.

– А до постели?

– Прикажете – примут.

– Нет, нет, я не могу. Я люблю свою жену и верен ей.

– Мы не только любим своих жен и верны им! Я к тому же еще верен его жене! А он верен моей жене!

– Как так? Я ничего не понимаю.

– Думать, думать надо. Не думать – грех.

– Но если вы верны своей жене, как же вы можете при этом быть верным жене друга? А! У вас что – семейная коммуна? Я что-то слышал про такое. Тем более вам не привыкать кувыркаться друг у друга на глазах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.